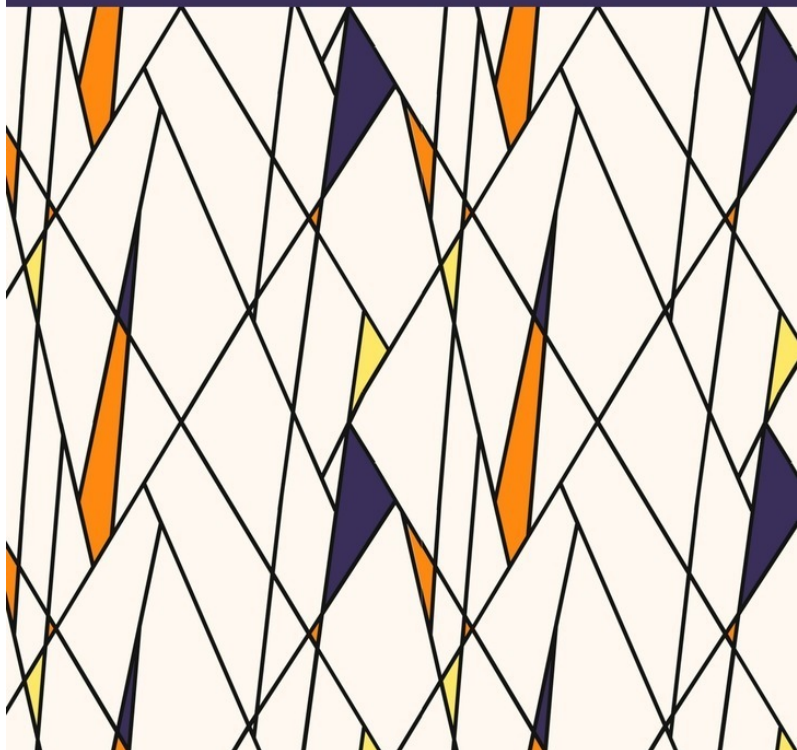

Владимир Карнаухов
Погрешность

Книга стихов

Владимир Александрович Карнаухов

Погрешность. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058787

ISBN 9785448340208

Аннотация

Почему «Погрешность»? Насколько мои стихи западут в сердца и души читателей, будут ли они жить дальше или предадутся забвению?.. Стихи на разную тематику, есть даже сказка. Опять же – вам судить. Это моя вторая книга в издательстве Ridero.

Содержание

«Устала, милая, присядь...»	6
«Наши редкие снимки прошедших времён...»	7
«Звонкой репликой погода...»	8
«Слишком много твоей души во мне...»	9
«Ночной город огнями запах...»	10
«В углу за печкой гостем ходит...»	11
«Круги на воде с нашими разговорами...»	12
«Я просто выпил чашу не свою...»	13
«Давай порадуемся морю!»	14
«Как быстро закроется небо...»	15
«Моя любовь с пустым ведром дорогу переходит...»	16
«Самообман, положенный на лист...»	17
«В огранке небесной дурнушка...»	18
«На сброшенном плаще твои противоречья...»	20
«Газетный вечер серый, серый...»	21
«Неизвестность – твой конёк...»	22
«В моей душе стихи загрузили...»	23
«Есть принцип у неба...»	24
«На подоконнике горячих лет...»	25
«Не наступай на пятки, время...»	26
«По жизни зайцем ты проехал...»	27
«Под белы ручки весна меня уводит...»	28

«Ваш бред – вакансия на плахе...»	29
«Эмоции взлетают до небес...»	30
«В подклете утро чай гоняет...»	31
«Песчаный берег мне молва...»	32
«На мысли набежал рояль...»	33
«На выгон солнце поутру...»	34
«Тянет лямку февраль не свою...»	35
«На километр счастья три версты расплаты...»	36
«Прикармливая сердцем доброту...»	38
«Бездонье лет в моём колодце...»	39
«Я молодость не тем началом встретил...»	41
«Твоя любовь бежит за дверь...»	43
«Не обознаться б в опознании...»	44
«Всё прекрасно, верь, прекрасно...»	45
«Где музыка, где свет и где любовь...»	46
«Давай споём мы песню о любви...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Погрешность
Книга стихов
Владимир Карнаухов

«В моей душе стихи загрустили».

© Владимир Карнаухов, 2016

ISBN 978-5-4483-4020-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Устала, милая, присядь...»

Устала, милая, присядь,
В ногах от набережных зуд.
Бесцельно в прошлое шагать
Даёт всегда другой маршрут.
Нам не труднее, чем другим,
Путь нашего движенья,
Давай сейчас договорим,
Где село примиренье.
Тебе мешает острота?
И двойственность вопроса?
Присядь, и выручит беда,
Что остаётся с носом.
Усталость выдаёт тебя,
И рухнули порывы,
В маршруте этом нет меня,
И покидают силы.

«Наши редкие снимки прошедших времён...»

Наши редкие снимки прошедших времён
Мне милее напыщенной цифры,
Вижу я без прикрас завалившийся дом,
Белый сад от распущенной вишни.
Вижу сердцу любимых людей,
Что ушли от нас разными тропами,
Вижу сорванных с места коней
И отца в суете с огородами.
Чёрно-белое фото любви,
Свадьбу друга с улыбками милыми.
Вот как будто мы только вошли
С рукописными, легкими виршами.
Так и тянет в места потаённые,
Что на фотках зависли в веках,
Что по ветру судьбой разнесённые
С болью полной на наших глазах.
Образ жизни меняет цвета
И меняет души отражение.
Чёрно-белое будет всегда
В нашей памяти весточкой времени.

«Звонкой репликой погода...»

Звонкой репликой погода
Занесла деревья снегом,
И стоят они с восходом
Нарисованные в белом.
Всё прекрасное под боком,
И глазам своим не веришь,
Всё, что создано под Богом,
На весах ни с чем не взвесишь.

«Слишком много твоей души во мне...»

Слишком много твоей души во мне,
Светлых помыслов и честной любви,
Ты костёр мой, зажжённый во мгле,
Вложенный памятью в глаза мои.
Ты имеешь право быть первой.
Женщина, солидарная с будущим,
Всегда остаётся необыкновенной,
Держа руку на пульсе бушующем.
Мы чеканные на двух сторонах медали,
Не подбрасываем её в небо.
Я категоричный в твоём идеале,
Оставляю за собой трудное дело.
Потому что жизнь, сделавшая нас,
Определила дальность нашего полёта,
И что принято – как наказ.
Не должен делать резкого поворота.

«Ночной город огнями запах...»

Ночной город огнями запах,
Поцелуем воздушным, осенним,
И терялся возлюбленный взмах
С уходящим прохожим последним.
Относительность – странная вещь,
Отмечая свою очевидность.
Ночь пытается город зажечь,
А любовь прячет в осень невинность.

«В углу за печкой гостем ходит...»

В углу за печкой гостем ходит
И будет весточкой живой,
И в прошлое меня уводит
Дух безмятежный и родной.
Замёрзший иней на окошке,
Зима разбрасывает снег,
Позвякивает мама ложкой,
Мой самый нежный человек.
Буфетная накроет сладость,
Начало утра на столе.
Её извечная усталость
Начнёт с улыбки в тишине.
И тронет тёплая ладонь
Души озябшую печаль,
Как в детстве согревал огонь,
Сияющий мне через край.

«Круги на воде с нашими разговорами...»

Круги на воде с нашими разговорами,
Мы сидим рядом, добавляем в них активность,
Берег из кочек и кустов недоволен нашими спорами,
Навлекает костром шерстяную сонливость.
Комары развесёлые, почуяв с кровью тела,
Направили на нас жала, как мы – на шашлык,
Три укуса, противоядие одного стакана вина
Растворяет зуд, что уже в капилляры проник.
На поверхности ночи уже начинается блуд,
Сознание вымеряет шаги до плетёных нар,
Мыслишка мучает, как больной, воспалённый зуб,
Скорее бы выпустить взаимно-полюбовный жар.
Потом приходит тишина через остаток созвездий,
Откинутые головы с открытыми ртами,
Будущее, проникшее в хлам испарений,
Уже подсчитывает расходы рублиями.
Так и закончилось без городского уюта лето,
У реки, забегавшей утром с прохладой,
Берег из травяных кочек с кустами ореха,
И мы, прихваченные винной забавой.

«Я просто выпил чашу не свою...»

Я просто выпил чашу не свою,
В которую мне намешали дряни.
Очнувшись во вселенной на краю,
Я возвратился с книгой со стихами.
Про автора не сказано ни слова,
Одной строкою проживаю год,
Но если я не пропускаю Бога,
То книга мне страницу выдаёт.
Так и живу, вплетённый в сеть извилин,
Прочитывая сложности стиха,
Я стал душой, открытой на помине,
Страдать от уязвимости греха.
И, принимая выплаканные слёзы,
Чужую боль, страданье от беды,
Я понял в ней мне не угрозы,
А только свежий след в моём пути.
И знать не зря мне намешали дряни,
И чашу поднесли не зря ко рту,
Чтоб я кому-нибудь с такими же стихами
Подсунул книгу во вселенной на краю.

«Давай порадуемся морю!»

Давай порадуемся морю!
Махнём его через плечо
И поплывём к его покою,
Где всходит солнца колесо.
Там, обрубив концы земному,
Определимся в чистоте
И, сбросив всё в морскую воду,
Оставим море на плече.

«Как быстро закроется небо...»

Как быстро закроется небо,
В которое мы влюблены,
И дождь вдруг пощёчиной серой
Хлыстать станет кроны листвы.
Мы спрячемся в старом подьезде,
Намокшие до неприличья,
И наше с тобой паденье
Оценивается тёмным затишьем.
Мы будем с тобой согреваться,
Прижавшись тесно плечами,
И люди с квартир ополчатся
С нескромными к нам речами.
Но мы не услышим их бреда,
И мокрых волос твоих дикость
Я буду терзать до победы,
Пока наша страсть не утихнет.
И вот уже небо над нами,
В которое мы влюблены,
Прольётся на нас вновь лучами
И запахом свежей листвы.

«Моя любовь с пустым ведром дорогу переходит...»

Моя любовь с пустым ведром дорогу переходит,
Я говорю ей: милая, постой,
Тебя разлучница по косогору водит,
Спустись к ручью, к водице ключевой.
Ты зачерпни и дай умыться мне,
Сама взгляни на наше отраженье.
Вся суть в серебряной воде —
Снять с наших лиц дурное настроение.
Мы привыкаем, мучаясь, к рутине,
Где всё уже, как старая кровать,
Обращено к истерзанной пружине,
Скрипит и стонет, не давая спать,
От свежести светлеют имена,
Вода созвучней наших с тобой ссор,
Есть волшебство от полного ведра,
Давай я сам спущусь за косогор.

«Самообман, положенный на лист...»

Самообман, положенный на лист,
Вдруг начинает грызть из середины,
И я стараюсь, как плохой артист,
Играть сюжет незначашей картины.
Не получается, и вот погнали прочь,
За перебранку с собственной душой,
За зря исписанную ночь
Мне незнакомой голубой луной.
Потом я надеваю бледный вид,
Намазываю колер пораженья.
Рву в клочья свой конфузный лист
Написанного стихотворения.
И начинаю заново корпеть,
Впрягаясь в утреннюю слякоть.
На всё уже по новому глядеть
И выжимать лирическую мякоть.
Самообман прикончил тут же степлер,
Одним щелчком со сладкой зевотой,
И правильно мне угодивший вектор,
Волнует душу силою живой.

«В огранке небесной дурнушка...»

В огранке небесной дурнушка,
Последней дорогой земля
Её награждала психушкой,
Она улыбалась всегда.
В ней, тоненькой и ясноглазой,
Для всех не кончалось добро,
И если она предсказала,
То счастье за дверью ждало.
Ходили к больнице с цветами,
Ругали беспутную власть,
И сотни людей окружали,
Пушинкой несли на кровать.
Дурнушка опять оживала,
С молитвы воспрянет душа,
И тихо на ушко шептала:
Молитесь и вы, господа.
Крестила прозрачную ручкой,
И хворь покидала людей,
Живинкой владела сподручно,
И всем становилось светлей.
С небесной огранкой дурнушка
Затихла вдруг ясной зарёй,
И все говорили, девчушка
Была непременно святой.

«На сброшенном плаще твои противоречья...»

На сброшенном плаще твои противоречья,
Твой гнев из целлулоидных масок,
Я признаю, что вычеркнутый вечер,
Как орган воспалённый для остросток.
Но только не кидайся сапогами,
Не зли судьбу и не стреляй в упор.
Пусть что-то остывает между нами,
Но всё затаптывать не надо в грязный пол.
Мы надкусили горькие плоды,
Где вечер безрассудство нам пророчил.
Да, начал я, но подхватила ты,
И колдовские ты открыла очи.
Мы виноваты, что теряли верность,
Твой танец непокорный на крови,
Раскинул всю тебя на грешность,
Раздел тебя на сувениры тьмы.
До перемен дотронемся с обидой,
Я приготовлю кофе, ты ложись,
Оставь свой яд на полочке, змеиный,
А я – прощение, в котором наша жизнь.

«Газетный вечер серый, серый...»

Газетный вечер серый, серый,
Дороги строчками легли.
Корреспондент статьёй умело
Дом редкий вырвал из петли.
Там сквер зелёный тихо жил,
Его уже с землёй сравнивали.
Булгаков часто там ходил,
И что-то всё в тетрадь писали.
Кругом истерзанная память
И наших рук бесчеловечность,
Мы можем беспричинно ранить
И безрассудно изувечить.
Любой российский уголок,
Пропетый именем известным,
Кричит, чтоб кто-нибудь помог,
Чтоб не купил барыга местный.
Газетный вечер серый, серый,
Дороги строчками легли,
И улицы бегут несмело,
Чтоб только их уберегли.

«Неизвестность – твой конёк...»

Неизвестность – твой конёк,
Скинув лёгкие одежды,
Прилетаешь на денёк
И становишься волшебной.
Я люблюсь твоим светом,
Кожей бархатно-упругой,
Как контуженный при этом
Бью нечаянно посуду.
Пианино – сладкий голос,
И зелёные глаза,
Ты мой не открытый космос!
Ты безвестная звезда!
Я в закладе светлых истин
Ворошу свой мозг сравнением
И заправским шахматистом
Ставлю мат своим сраженьям.
Только вновь твои одежды
Зашуршат скользнувшей тенью,
И денёк, уже прошедший,
Лишь оставит впечатление.

«В моей душе стихи загрустили...»

В моей душе стихи загрустили,
Книжный червь, забрав свою вечную мудрость,
Перелез в уплотнения другие,
Чтобы грызть чью-то новую глупость.
Я не каюсь известной мне птице,
Что поэзией кличут веками.
Только некоторым бы синицу,
А другим – в высоте журавлями.
Как в нескладное хочется верить
И писать своим собственным миром,
Не раздумывая ответить,
Косяку быть дверному кумиром.
Серым волком иначе завывать,
В одиночном своём измерении
И попробовать полюбить,
Как своё, незнакомое пение.
Как же выдохнуть тяжкую думу?
На огрызок вчерашней газеты,
Где опять я не много побуду
Никому не известным поэтом.

«Есть принцип у неба...»

Есть принцип у неба
Заламывать руки.
Дать сдохнуть без дела
Иль брать на поруки.
Иль с северных окон
С холодным приветом,
Иль с южных, заскоком,
Горячим ответом.
Где выдаст поверенный
Странную ксиву,
Любое безвременье
Роет могилы.
И всё, что положено,
Всё за спиной,
Ваш скарб придорожный
И баба с косой.

«На подоконнике горячих лет...»

На подоконнике горячих лет
Горшки событий расцвели внезапно,
На перегное выращенный бред
Бутоном лжи покачивает властно.
Всё поливали чёрною водой,
Лихие ветры сквозняком сопели,
И обвязались легкою спиной,
Колючей проволокой побеги.
Тщеславие – творение людское,
И названные так цветы
Упали в племя молодое
За грош от стартовой цены.
Подняли шум деревья у окна,
И попилили НА-НА-человеки,
И сколотили с криками «УРА»
Невиданный доселе гроб столетий.

«Не наступай на пятки, время...»

Не наступай на пятки, время,
Так тяжёло идти порой,
И созревающее племя
Победно шествует за мной.
Взаимосвязь темнее ночи,
Столпотворение в умах.
Я так, прошедший между прочим:
Они летят на парусах.
Без багажа куда как легче,
Быть ветрогоном на горе
И гнать беспроводные смерчи
В моей потрёпанной душе.
Я всё-таки ещё взволнован,
Пропущенный через совдеп,
Пропущенный через такую кому
Демократических утех.
Я русский дед, плясать хочу!
Ещё под русскую гармошку,
Ещё я русскую приму,
По-русски так же, на дорожку.

«По жизни зайцем ты проехал...»

По жизни зайцем ты проехал,
Как безбилетный пассажир,
И завораживающим смехом
Ты отвлекаемо шутил.
Ты думал кончится поездка
И, сэкономив мелочь дня,
Ты снова сложишь под газетку
Своё возлюбленное «Я».
Ты потирал свои ладони,
«Как ловко я их всех надул»,
И неизменно был доволен,
Что жизнь опять ты обманул.
И постепенно зарождался
Осадок мнимого покоя,
И вот однажды ты попался,
Прихваченный в своём походе.
Сломалась жизнь, и под газетой
Твоё возлюбленное «Я»,
Придерживаясь за стены века,
Сползало в пропасть бытия.

«Под белы ручки весна меня уводит...»

Под белы ручки весна меня уводит,
Последний месяц я как-то не удел.
Она пришла и новое находит,
Мой заполняя умственный пробел.
Её приход, как царства на престол,
И коронация уже попозже, в мае,
Когда взмахнёт весёлый дирижёр
Под музыку весь белый свет вещая.
Тогда она от своего величия,
Благословляя наш земной вертеп,
Подкрасит красками жилища
И снимает внутренний запрет.
Мне также выпадает интерес
И открывать несвойственные виды,
И целовать, как прихожанин крест,
С словами: «Господи, помилуй».

«Ваш бред – вакансия на плахе...»

Гумилёву

Ваш бред – вакансия на плахе,
И буйство резче откровений,
И личность ваша держит в страхе,
Пока ещё Вы в поле зренья.
Признание уже в застенках
Гуляет сквозняком обширным,
И гордость с честью человека
Не давится железной ширмой.
На амбразуре ваш живот,
Им в наказанье вашей воли,
И каждый со значением бьёт,
Зверья от пролитой крови.
Уже душа из тела вышла,
В углу, не понимая, ждёт.
Входить обратно еле слышно
Или лететь уже в полёт.
Так, и очнувшись на бетонке,
И зная смертный приговор,
Вы вспоминали о девчонке,
В Коктебеле, что сбежала с гор.

«Эмоции взлетают до небес...»

Эмоции взлетают до небес
И разрывают нас, как струны,
Мы лопаемся от радостей иль бед,
Кидая возгласы за безграничность шума.
Мы в поисках любимого лица,
Любимых рук, ориентира света
И гаснем спичкой, когда жизнь, как брак,
Сжигается в огне иль давится под прессом.
Мы от улыбок сердцем воскресаем,
И всё родное в чистоте прилива,
Упряганное внутри мы отдаём и дарим,
Не приукрашивая душевного порыва.
Как колыбель добра, нам выдаются дни,
И переносится плохое на потом,
Чтоб понимали ответственность и мы,
Где брать эмоции и заносить в свой дом.

«В подклете утро чай гоняет...»

В подклете утро чай гоняет,
Поглядывая в оконные часы
И с блюда силой наполняясь,
Выходит с бодростью в предместье тишины.
И кинется строптивый ветер,
Летающий свежестью на новизну,
И всё подведено к природной смете,
Что выдаётся жизнью поутру.
Обшарпанных берёз обои бересты,
Ручей, где по шнурочным меркам
Обвязывает ямки и стволы,
Прожилиной поблёскивая мелкой.
Всё на ладони утренней зари,
Невинность вновь в пошитом платье
Пускает всходы, тянет из земли
Цветок весенний нам с тобой на счастье.

«Песчаный берег мне молва...»

Песчаный берег мне молва,
Где сыпется песок злосчастный,
Где превращаются слова
Без правил в путь ненастоящий.
Увязнув в множестве презрений,
Я ложь как особь истребляю,
И имя от чужих волнений
Стихами часто защищаю.
И я дышу спокойным ветром,
Когда блудливую химеру
Посыплет праведное пеплом
И даст железную мне веру.
И пусть смеются за спиной,
И бряцают своим оружием,
И тянут личное молвой,
Песчаным берегом ненужным.

«На мысли набежал рояль...»

На мысли набежал рояль,
И музыка обильем нот
Настраивала на печаль,
Меня действий оборот.
Одушевляя вещь на входе,
Давала сделать ей поклон,
И, личное сдавив на горле,
Несла в кружении своём.
Как давний друг, как мать родная,
Как любящие дочь и сын,
На танец сердца приглашая,
Рассказывала про нашу жизнь.
Всё оставляя на потом,
Толпу, идущую за залом,
Машин, ревущих за углом,
И честь, и ложную браваду.
Как будто что-то потеряли,
И очень дорогое жаль,
Мы с волшебством отождествляли,
Такую силу, как рояль.

«На выгон солнце поутру...»

На выгон солнце поутру
По мартовским ступеням,
И я, привязанный к лучу,
Иду, забывший время.
И, бормоча себе под нос
Прихваченную рифму,
Я порождаю некий спрос
На собственную битву.
Так, на виду своих волнений,
Я правлю озаренье дня,
В развязности воображений,
В привязанности луча.
Как средство доброго начала,
Иду с ним в паре наяву,
И путь весеннего наряда
На каждом видется шагу.
И, складывая тепло под полог,
Дышу от легкости своей,
И, раскрывая больше ворот,
Я становлюсь, как луч, светлей.

«Тянет лямку февраль не свою...»

Тянет лямку февраль не свою,
И ему невдомёк вся игривость,
Где метели летящие в мглу
Злым ветрам и сугробам на милость.
Кто стряхнул его стрелку часов,
Он готов даже бегать по лужам,
Но когда ты насмешка для слов,
Зимний месяц уже здесь не нужен.
Ничего не теряя, потеряно всё,
Перечёркнуто солнечным светом,
И февраль, по ночам заползая на дно,
Ни в какие не верит приметы.
Распрощается скоро дорогою дальней
И деньки унесёт на плечах,
Может быть, и метель зашумит на прощанье
Где-нибудь на далёких полях.

«На километр счастья три версты расплаты...»

На километр счастья три версты расплаты,
Ты понимаешь – мир сошёл с ума,
Но было и счастливое когда-то,
Когда любовь и полная сума.
К хорошему быстрее идут ноги
И руки тянутся к хорошему быстрее,
Адреналин в крови для расщепленья воли,
Он делает коварство из страстей.
Откуда всё пришло, ты задаёшь вопрос?
Весь на виду, работа и престиж, и деньги,
Любимой женщине подарки, тонна роз,
Машина с логотипом «Бентли»,
Квартира в центре, непременно хобби,
Так, небольшой картинный вернисаж,
И медалист – с тупою мордой бобик,
И отдых за границей на волнах.
Попутал бес, на взятках он сильнейший,
Как ломом саданул по голове,
Зашли втроем, что здесь у вас, милейший,
И вот уже купюры на столе.
И три версты расплаты в полной мере,
Казённый дом и мрачность заточенья,
А километр счастья в новом деле

Уже другого балует почтеньем.

«Прикармливая сердцем доброту...»

Прикармливая сердцем доброту,
Я сам меняюсь на подушке зла
И чашу горечи порою так же пью,
До впалых щёк, до выскобленного дна.
И мой рубеж не покидает место,
Откуда стужа выпала с небес,
Где десять заповедей душу рвали с треском
И жизнь одной ногой на перевес.
Быть человеком заново учусь,
И перелом в мозгах мне в гипс не закатают,
От заповедей я каюсь и винюсь,
А за окном и каркают, и лают.
Выздоровления скорейшего не жду,
Вашей гоню окурышей смердящих,
На зло калёное несу я доброту,
Прикармливая сердце настоящим.

«Бездонье лет в моём колодце...»

Бездонье лет в моём колодце,
Зачерпывая памятью обзор,
Могу я больно уколотся
На прошлый неприятный разговор.
Как будто загибая стальной прут,
Объединяя общее усилие,
Я замыкаю свой вчерашний круг,
Чтоб с запозданием сделать перемирие.
Вскрывая раны с затянувшейся кожей,
Подумать надо также обо всём.
Тогда я был на тридцать лет моложе
И шёл успешным ходом напролом.
И не познал, что человек был рядом,
Который был моим проводником,
А я лишь обозначил подлость взглядом,
Не стукнул там, где надо, кулаком.
Он уходил, и в нашем разговоре
Был нетерпим и высказал в глаза,
Что и меня коснётся это вскоре,
Поверь, дружок, поверь наверняка!
Оно так и случилось, как сказал,
Лет через несколько, всё те же люди были,
Которые в очередной скандал
Меня по-тихому успешно проводили.

Склоняясь через столько лет к колодцу,
В бездонье лет, поступков и утрат.
Хочу, чтоб больше не колотья
Среди ещё не пройденных преград.

«Я молодость не тем началом встретил...»

Я молодость не тем началом встретил,
Не той любовью сердце обогрел,
И вот теперь на этом белом свете
Я об отжившем с болью пожалел.
Как жаль мне всё, что срезано до крови,
Что красота тускнеет, как заря,
И сколько душ в моём родном народе
Забыты в прошлом вечно, навсегда.
И мне ли говорить об этом стоит,
Разграбленные судьбы велики,
Как часто их наш трудный век хоронит,
Поставив в списке чёрные кресты.
Но ветер дунул, мир забыл утрату,
От дел других иные имена,
И им сегодня памятник в награду
Поставила великая страна.
А, что же я, как за пивным угаром,
Сгораю медленно, забывши обо всём.
Ведь люди там с особенным запалом
Достигли космос, звёздный коридор.
Хоть тресни мир, но я среди них последний,
Земная благодать, кабацкий пыл и срам.
Ужели я, набравший прегрешений,

Помеченный на этом свете стал.
Ужели я, здоров душой и телом,
С приятной рожей, скучно одинок,
Хвалюсь своей очередной победой,
Что ночью прошлой обвенчаться смог.
Да, что сказать, в неверное – поверю,
На белом свете белый свет не мил,
Ладони нежные своей любимой грею,
А совесть предо мной как конвоир.
Вечерний сумрак и огни фонтана
По водной глади пробегает дрожь,
Под песню Адриано Челентано
Танцует золотая молодёжь.

«Твоя любовь бежит за дверь...»

Твоя любовь бежит за дверь,
Я вижу её пятки.
Ты маргарин купи быстрее
Для скорости и смазки.
Чтоб лестничный проём узнал,
Как воскресать из мёртвых
И кто кого куда послал
Меж пятым и четвёртым.
А как красиво было в прошлом,
Везде с улыбкой и вдвоём,
Любовь букетом всевозможным
Входила безгранично в дом.
Подарки, маленький каприз,
Как палочкой волшебной,
Вдруг неожиданный сюрприз
По голове тарелкой.
И выключился в парадной свет,
Да здоровствует сознание,
Кричит оно тебе в ответ:
«Гони любовь в изгнание».

«Не обознаться б в опознании...»

Не обознаться б в опознании,
Не поиграть ли в чью судьбу?
Когда приковано вниманье
Лишь к человеку одному.
Когда верблюд подумал плюнуть
И плюнуть именно в тебя,
Ты даже не успел подумать,
Но жизнь испорчена твоя.
Как занавес в любом театре
Разделит зал двух полушарий:
В одном – наигранный характер,
В другом – весь дух переживаний.
Так от черты иль на черте
Всё наше сосуществованье?
Стоишь ли ты с бедой во тьме
И принимаешь наказание.
Или шагнул наперекор
Всем неугодным и постылым,
Чтоб всевозможный перебор
Был нам лишь ощущеньем мнимым.

«Всё прекрасно, верь, прекрасно...»

Всё прекрасно, верь, прекрасно,
Я от грусти отрекаюсь
И ругаюсь я напрасно
Жизнь, в которой часто каюсь.
И улыбок в мире много,
И любовь сердцами грета,
И все верующие в Бога
Для добра живут и света.
И по улице гуляет
Снег весёлый, серебристый,
Это, верно, означает —
Он для наших душ лучистый.
Ну, а в них наши надежды
Нам заказывают встречи,
Где потеряны одежды
И горят ночные свечи.
И из наших глаз уходят
Безразличье и печали.
Мир, который с ума сводит,
Нас уносит в свои дали.

«Где музыка, где свет и где любовь...»

Где музыка, где свет и где любовь,
Рука к руке – какое наслаждение,
Я повторить хотел бы это вновь
С тобой в январское воскресенье.
Ты помнишь день, наш день, на десять лет назад,
Случайный взгляд, улыбка, жест, шаги,
Как между нами заплела судьба
Спиралью рваные витки.
Витки, витки, потом ещё виток,
От встрече к встрече нитью незаметной
Клала на каждый новый волосок,
Ещё чуть тоньше, неприметней.
С минуты на минуту, час на час,
И, испытанья наши не нарушив,
Объятыя, взорванные в нас,
Сердцами хлынули наружу.
И колыхалось бледное «прости»,
Что этот миг не в свадебной фате,
Что я не клал к твоим ногам цветы,
Что к алтарю не шёл рука в руке.
Поговорим спокойно о любви,
И обо мне, но больше для тебя,
Мне так запали в душу Близнецы,

За десять лет свечой одной горя.
Любую книгу подбери на полке
И кинь свой взгляд – любовь как мир стара,
Что в человеке, что в матёром волке,
Что в песне моря, в песне соловья.

«Давай споём мы песню о любви...»

О. К.

Давай споём мы песню о любви,
За радости и за невзгоды,
Ты, если можно, милая, начни,
А я страну поздравлю с Новым годом!
Какая ночь весёлая повсюду,
Стремленье фейерверка на виду,
И мишурой цветочною по кругу
Обвешенная ёлка на снегу.
Народ шумит и предлагает выпить,
Не сокрушаясь в праздничном костре,
И неизбежно каждый хочет видеть,
Что Новый год шагает по земле.
Уже загаданы желанные желанья,
И звон фужеров, поцелуев след,
Из тайных мест подарки, как признание,
Любимыми выносятся на свет.
Как только подкрадётся тишина,
И утро с крыш заснеженных сорвётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.